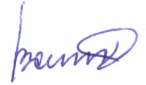

На правах рукописи

Ситдигов Владимир Витальевич

**НАСЛЕДИЕ Л.А. ТИХОМИРОВА В ЗАРУБЕЖНОЙ И СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

Специальность 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического
исследования

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Челябинск – 2026

Работа выполнена на кафедре истории и права ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет».

Научный руководитель: **Уваров Павел Борисович**
доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры истории и права ФГБОУ ВО «Южно-
Уральский государственный гуманитарно-
педагогический университет»

Официальные оппоненты: **Репников Александр Витальевич**
доктор исторических наук, доцент, заместитель
заведующего отраслевого центра научно-
технической информации по архивоведению и
документоведению ФБУ «Всероссийский
научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела»

Гришина Наталья Владимировна
кандидат исторических наук, доцент, декан
историко-филологического факультета ФГБОУ
ВО «Челябинский государственный
университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»

Защита состоится «9» октября 2026 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.437.04 при ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (по адресу: 454080, г. Челябинск, пр. им. Ленина, 76, ауд. 1007).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Южно-Уральского государственного университета:
<https://www.susu.ru/ru/dissertation/24243704-d-21229813/sitdikov-vladimir-vitalevich>

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.И. Мирошниченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Конец XX в. ознаменовался распадом СССР и девальвацией коммунистической идеологии. Эти процессы не только повлияли на государство и общество, но и привели к значительным изменениям в исторической науке. В условиях всеобщего плюрализма в России начала 1990-х гг. шел постоянный поиск новых общественно-политических и научных парадигм, который часто приводил к идеям консервативно-религиозного характера. Поэтому уже несколько десятилетий в России не спадает стойкий интерес к жизни и творчеству отечественных консервативных мыслителей XIX – начала XX вв. Особую популярность в современной отечественной историографии и обществе приобрело наследие теоретика монархической государственности Л.А. Тихомирова.

Исследование биографии и трудов Л.А. Тихомирова – важная область отечественной и зарубежной исторической науки, отдельные аспекты которой требуют детального изучения и осмысления. Историография позволяет проследить динамику и характер обращения к наследию Л.А. Тихомирова в разные периоды истории, а также спрогнозировать дальнейшие направления исследований. В том числе можно проследить эволюцию советской историографии и ее вклад в генезис современной российской историографии, а также выявить степень влияния интеллектуального наследия русского зарубежья и работ зарубежных историков на современную российскую историографию.

Наследие Л.А. Тихомирова в последние годы все чаще проникает в школьное образование. В 2021/2022 учебном году на региональном этапе Всероссийской олимпиады школьников по истории была предложена цитата из «Монархической государственности» Л.А. Тихомирова в качестве темы для написания эссе. Общественно-политическая деятельность Л.А. Тихомирова упомянута в новом школьном учебнике по истории России для девярых классов¹. Кроме того, биография Л.А. Тихомирова включена в проект нового учебного предмета «Духовно-нравственная культура России». Популяризируется наследие Л.А. Тихомирова и в высшем образовании. Например, в учебнике по историографии одна из глав посвящена

---

¹ История. История России, 1825–1914 гг.: 9-й класс: учебник / В.Р. Мединский, А.В. Торкунов. М., 2025. С. 166, 269.

К.Н. Леонтьеву и Л.А. Тихомирову². Книгу Л.А. Тихомирова «Религиозно-философские основы истории» рекомендуют к изучению в рамках дисциплины религиоведение³.

Степень научной изученности темы. Вся историю исследования историографии наследия Л.А. Тихомирова можно разбить на два этапа: 1) начало 1980-х – середина 2000-х гг.: зарождение историографии наследия Л.А. Тихомирова, когда происходило накопление и актуализация историографических источников; 2) середина 2000-х – по настоящее время: появление специализированных историографических исследований, в которых была сделана попытка обобщить накопленный комплекс историографических источников, концептуализировать их генезис и эволюцию.

Первый этап (начало 1980-х – середина 2000-х гг.). Часть наследия Л.А. Тихомирова была введена в научный оборот еще в дореволюционное время, но в СССР до 1980-х гг. не было крупных исследований о нем, поэтому не было и попыток системно исследовать историографию наследия Л.А. Тихомирова. Первым к историографии наследия Л.А. Тихомирова обратился советский историк В.Н. Костылев. В 1980 г. была опубликована его статья, в которой он рассмотрел историю осмысления ренегатства в дореволюционной общественно-политической среде⁴. В диссертации В.Н. Костылев представил историографический обзор монархического наследия Л.А. Тихомирова, который включал анализ советской историографии, зарубежных и дореволюционных работ. Недостатком этого обзора является то, что В.Н. Костылев использовал небольшое количество зарубежных публикаций: только книги эмигрантов С.С. Ольденбурга и В.А. Маевского, а также труды славистов К. Тидмарша и Э. Тадена⁵. При этом работы эмигрантов и зарубежных историков для него концептуально представляли собой единое целое – буржуазную историографию. Но и советская историография у

---

² Историография истории России до 1917 г.: учебник для вузов. Т. 2. Под ред. М.Ю. Лачаевой. М., 2004. С. 45–91.

³ Религиоведение: библиография российских изданий (1990–2002). Под ред. А.Н. Швечикова. СПб., 2005. С. 32, 65.

⁴ Костылев В.Н. Ренегатство Л.А. Тихомирова и русское общество в конце 80-х – начале 90-х годов XIX в. // Проблемы истории СССР. МГУ им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет. Вып. 11. 1980. С. 151–169.

⁵ Костылев В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма: (Из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX – начале XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 19–20.

В.Н. Костылева представлена в усеченном виде и только современным для него этапом⁶.

В 1990-е гг. на волне интереса к дореволюционному историко-философскому наследию появилась целая плеяда тихомироведов⁷, дополнивших наработки В.Н. Костылева. А.В. Репников рассматривал историографию наследия Л.А. Тихомирова в контексте темы русского консерватизма конца XIX – начала XX вв.⁸ О.А. Милевский дополнил историографический обзор В.Н. Костылева работами советских и зарубежных историков, доведя его до середины 1990-х гг.⁹

В рамках политической философии и политологии рассматривали историю изучения творчества Л.А. Тихомирова А.С. Карцов и А.В. Пролубников¹⁰. С точки зрения философии истории был дан историографический обзор в диссертации А.Р. Ефименко¹¹. В юридическом русле была представлена историография монархического наследия Л.А. Тихомирова в диссертациях В.И. Цыганова и М.Ю. Понежина¹². Кроме исследования М.Ю. Понежина, для всех этих работ характерно изложение уже известных историографических фактов.

Ценные дополнения к историографии наследия Л.А. Тихомирова второй половины XX в. имеются в диссертации Е.А. Тимоховой¹³. Значительный вклад в изучение историографии внес М.Б. Смолин, историографический обзор в диссертации которого расширил представления о дореволюционном и эмигрантском дискурсе о монархизме и религиозной философии

---

⁶ Костылев В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма: (Из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX – начале XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 20–21.

⁷ Термин «тихомироведение» как область исследований, связанная с изучением жизни и творчества Льва Александровича Тихомирова, был введен в научный оборот до нашего исследования. См. напр.: Чесноков С.В. Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской истории и культуре конца XIX–XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 4.

⁸ Репников А.В. Проблемы государственной власти в концепции русских консервативных мыслителей конца XIX – начала XX вв. (исторический аспект): дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 20, 21, 23, 28, 29–30, 33.

⁹ Милевский О.А. Л.А. Тихомиров: от революционности к монархизму: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1996. С. 4–14; Он же. Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. Барнаул, 2004. С. 7–17.

¹⁰ Карцов А.С. Политическая теория Л.А. Тихомирова: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 1998. С. 5–9; Пролубников А.В. Концепция монархической государственности Л.А. Тихомирова: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1998. С. 2–5.

¹¹ Ефименко А.Р. Эволюция социально-исторических и философских взглядов Л.А. Тихомирова: дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. С. 5–6.

¹² Цыганов В.И. Идея русского самодержавия и ее развитие в творчестве Л.А. Тихомирова: дис. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2000. С. 6–12; Понежин М.Ю. Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова (философско-правовой анализ): дис. ... канд. юр. наук. Ростов н/Д., 2000. С. 5–9.

¹³ Тимохова Е.А. Лев Тихомиров и русский консерватизм рубежа XIX – XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001. С. 4–14.

Л.А. Тихомирова. Также М.Б. Смолин подробно отразил достижения современного российского тихомироведения к середине 2000-х гг.¹⁴

Второй этап (середина 2000-х – по настоящее время). В 2005 г. С.В. Чесноков защитил кандидатскую диссертацию, первую главу которой он посвятил историографии наследия Л.А. Тихомирова. Несмотря на то что С.В. Чесноковым была впервые предпринята попытка осмысления историографии наследия Л.А. Тихомирова второго уровня¹⁵ и был введен в оборот комплекс новых историографических источников, его историографический анализ имеет ряд недостатков. С.В. Чесноков, за исключением подробного анализа статьи японского историка Х. Вады¹⁶, опубликованной в 1999 г. в России на русском языке, не привнес ничего нового в изучение зарубежной историографии наследия Л.А. Тихомирова. В частности, он только упомянул диссертацию американского историка Ф.Д. Хардести и ограничился указанием в списке литературы и источников уже известных к моменту защиты диссертации работ зарубежных авторов¹⁷. Кроме того, его историографическое исследование отличается непоследовательностью, отсутствием стройной логики и дублированием материала.

В 2007 г. Ю.В. Петричко защитила кандидатскую диссертацию, в которой подробно рассмотрены основные историографические вехи и тенденции изучения трудов Л.А. Тихомирова в отечественной исторической науке: от народнической традиции и ранней советской историографии до современной российской исторической науки середины 2000-х гг. включительно. Несмотря на прорывной характер этой работы в вопросе историографии наследия Л.А. Тихомирова, диссертация имеет ряд слабых сторон. Во-первых, в этой работе отсутствует зарубежная историография. Хотя это и не входило в прямые задачи исследования, все же вызывает удивление то обстоятельство, что Ю.В. Петричко не только не попыталась сравнить отечественный и зарубежный опыт изучения наследия Л.А. Тихомирова, но и даже не осветила зарубежную историографию в назывном порядке, при том что в библиографии она указала ряд работ иностранных специалистов: Э. Глисона, Ф.Д. Хардести, К. Тидмарша,

---

¹⁴ Смолин М.Б. Государственно-правовые идеи Л.А. Тихомирова: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 10–37.

¹⁵ Чесноков С.В. Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской истории и культуре конца XIX–XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 4–6.

¹⁶ Там же. С. 13, 22–25, 28, 30, 44, 90, 92, 112, 128, 154, 182.

¹⁷ Там же. С. 214.

Х. Вады¹⁸. Во-вторых, при наличии анализа революционной литературы конца XIX – начала XX вв. и упоминания книг В.Я. Богучарского и А.А. Корнилова¹⁹ отсутствует обзор дореволюционных публикаций, в которых освещались проправительственная деятельность и религиозно-монархические труды Л.А. Тихомирова. Тем более к моменту защиты диссертации эта литература уже была упомянута в работах М.Ю. Понежина и М.Б. Смолина²⁰. В-третьих, за скобками исследования осталось наследие русского зарубежья, за исключением единственного упоминания «Народной монархии» И.Л. Солоневича²¹. И даже если воспринимать творческое наследие русской эмиграции как единое целое с буржуазной историографией, как это делали советские историки, то само собой напрашивается внедрение этой темы в контекст анализа формирующейся современной российской историографии, которая впитала в себя этот творческий пласт.

В конце 2000-х – 2010-х гг. продолжилось накопление историографического знания. В диссертации М.В. Шерстюка акцент был сделан на истории рассмотрения религиозной философии Л.А. Тихомирова²². В эти годы О.А. Милевский²³ и А.В. Репников углубили свои историографические построения как в персональных научных трудах, так и в рамках совместной фундаментальной монографии 2011 г., посвященной биографии Л.А. Тихомирова²⁴. А.В. Репников посвятил в докторской диссертации и в схожей по теме монографии целую главу проблемам историографии и источниковедения русского консерватизма, в рамках которой был рассмотрен и вопрос о истории изучения творческого наследия Л.А. Тихомирова²⁵.

Объект исследования – советская и зарубежная историография наследия Л.А. Тихомирова.

---

¹⁸ Петричко Ю.В. Наследие Л.А. Тихомирова в отечественной историографии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 232.

¹⁹ Там же. С. 94, 108.

²⁰ Понежин М.Ю. Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова (философско-правовой анализ): дис. ... канд. юр. наук. Ростов н/Д., 2000. С. 7–8; Смолин М.Б. Государственно-правовые идеи Л.А. Тихомирова: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 13–14.

²¹ Петричко Ю.В. Наследие Л.А. Тихомирова в отечественной историографии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 133.

²² Шерстюк М.В. Л.А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 4–16.

²³ Милевский О.А. Л.А. Тихомиров: из истории формирования консервативной мысли в России в конце XIX – начале XX веков: дис. ... док. ист. наук. Барнаул, 2006. С. 7–28.

²⁴ Репников А.В. Две жизни Льва Тихомирова / А.В. Репников, О.А. Милевский. М., 2011. С. 5–25.

²⁵ Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX веков: дис. ... док. ист. наук. М., 2006. С. 24–73; Он же. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 35–78.

Предмет исследования – основные подходы, тенденции и особенности освещения наследия Л.А. Тихомирова в советской и зарубежной историографии.

Хронологические рамки исследования. Так как зарубежная и советская историография развивались асинхронно и практически без взаимной актуализации исторических наработок, в диссертации избрано два варианта хронологических рамок: отдельно для зарубежной и советской историографии.

Нижняя граница зарубежной историографии относится к 1880-м гг., когда впервые были предприняты попытки актуализировать революционное наследие Л.А. Тихомирова и его ренегатство. Мы можем выделить три основных этапа: 1) 1880-е – 1950-е гг.: точечные упоминания о Л.А. Тихомирове; 2) 1950-е – 1990-е гг.: полноценная историография наследия Л.А. Тихомирова, которая развивалась в русле общего интереса к русской и советской истории; 3) 1990-е гг. – по настоящее время: снижение интереса к наследию Л.А. Тихомирова в исторической науке на Западе и активизация интереса к нему в странах Восточной Европы.

Советская историография ограничена временем существования советской исторической науки. При этом также можно выделить несколько периодов развития историографии наследия Л.А. Тихомирова. Тихомироведы придерживались разных подходов к периодизации отечественной историографии. Например, С.В. Чесноков использовал периодизацию²⁶, предложенную Г.С. Каном для рассмотрения историографии «Народной воли»: 1) начало 1880-х – 1917 гг.; 2) 1917 – середина 1930-х гг.; 3) 1950-е гг. – по настоящее время²⁷. Однако, на наш взгляд, такая периодизация не совсем точно отражает процесс развития советской историографии наследия Л.А. Тихомирова. Мы считаем верной следующую периодизацию: 1) 1917 – середина 1930-х гг.: романтично-ностальгический этап; 2) середина 1930-х – середина 1950-х гг.: научное затишье; 3) середина 1950-х – середина 1960-х гг.: ренессанс в исследовании революционного народничества; 4) середина 1960-х – начало 1990-х гг.: трансформация исследовательского интереса от осмысления

---

²⁶ Чесноков С.В. Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской истории и культуре конца XIX – XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 14.

²⁷ Кан Г.С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997. С. 6–7.

роли Л.А. Тихомирова в революционном движении к исследованию его монархизма.

Учитывая идеологическую разнородность и отсутствие территориального единства русского зарубежья, в нашей работе мы не делили историографию эмиграции на периоды, но при этом рассматривали ее в привязке к трем волнам отечественной эмиграции. Тем более, как отмечает российский историк А.А. Пронин, в «первое десятилетие XXI в. в литературе прочно укореняется обобщенное деление отечественной историографии российского зарубежья на два периода – советский и постсоветский без их деления на этапы»²⁸.

Территориальные рамки работы. Кроме территории СССР, в рамки исследования мы включили страны мира, в которых, во-первых, жили историки, изучавшие наследие Л.А. Тихомирова, а во-вторых, проживали русские и советские эмигранты, обращавшиеся к трудам Л.А. Тихомирова. Это страны Европы, Азии, Северной и Южной Америки. Иностранные специалисты, исследовавшие наследие Л.А. Тихомирова, чаще всего были представителями США и Великобритании.

Цель исследования – выявить и проанализировать советскую и зарубежную историографии наследия Л.А. Тихомирова, сравнить основные подходы, тенденции и особенности освещения наследия Л.А. Тихомирова в работах советских и зарубежных исследователей.

Задачи исследования:

– проанализировать работы русских и советских эмигрантов, охарактеризовать место и значение творческого наследия Л.А. Тихомирова в среде белой эмиграции и оценить ее влияние на современное тихомироведение;

– определить основные тенденции освещения биографии и трудов Л.А. Тихомирова в американской и британской историографии; проанализировать работы иностранных авторов, изучавших наследие Л.А. Тихомирова, и найти точки соприкосновения и расхождения с отечественной историографией;

– выявить основные цели публикации наследия Л.А. Тихомирова в СССР в 1920-х – 1930-х гг. и охарактеризовать основные тенденции в его осмыслении советскими авторами;

---

²⁸ Пронин А.А. Историография историографии российской эмиграции // Интеллигенция и мир. № 2. 2010. С. 83.

– охарактеризовать особенности освещения роли Л.А. Тихомирова в революционном движении и причин его ренегатства в эго-документах революционеров-народников в период 1920-х – 1930-х гг.;

– определить и проанализировать основные проблемы осмысления творчества и деятельности Л.А. Тихомирова в ранней советской исторической науке;

– проследить и отметить особенности обращения к наследию Л.А. Тихомирова в исследованиях советских историков второй половины XX в., посвященных революционному народничеству;

– выявить изменения и проанализировать развитие советской историографии наследия Л.А. Тихомирова в 1960-х – 1980-х гг., и определить точки роста современного тихомироведения.

Методологические основы исследования. Под наследием мы понимаем не только творчество Л.А. Тихомирова как совокупность зафиксированных на бумаге мыслей, идей, взглядов, описания событий и эмоциональных проявлений, но и его биографию, а также рукописные работы как материальный источник. Говоря о наследии, нужно отметить, что существует ряд исследовательских проблем и критических подходов при анализе историографии наследия того или иного автора. Большую часть проблем в исследовании наследия можно свести к двум основным плоскостям: субъективизм исследователя, обращающегося к наследию, и изначальная субъективность самого объекта исследования.

Основная проблема при исследовании наследия заключается в том, что образ прошлого, запечатленный в наследии, в разные периоды истории авторами интерпретируется посредством разных наборов практик и смыслов, порою создаваемых сознательно в рамках коллективных процессов или при выработке индивидуальных подходов к изучаемому объекту. По выражению британского исследователя Г.Дж. Эшворта, любое наследие предполагает своего «наследника», который является его потребителем, задающим цели и формат обращения к наследию. Такая зависимость исторического наследия от исследователя создает проблему изначальной субъективности при изучении того или иного наследия, так как определение исследователем аутентичности образа прошлого в наследии достигается не за счет сопоставления излагаемых

фактов в наследии и некой объективной исторической истины, а исходя из изначального понимания исследователем этой аутентичности²⁹.

Кроме того, любое наследие с течением времени обрывает набором свойств, которые не были ему присущи в момент создания. По словам нидерландского ученого Ф.Ф.Дж. Схаутена, наследие – это «история, проработанная через мифологию, идеологию, национализм, местную гордость, романтические идеи или просто маркетинг», поэтому оно как объективная историческая реальность может существовать только благодаря точной интерпретации, так как историческая реальность не появляется из остатков прошлого сама по себе, ее нужно создать³⁰. Как писал американский историк и географ Д. Лоуэнталь, – любые операции с наследием, даже направленные на сохранение, приводят к его изменению, а «изменяя реликвии и записи прошлых времен, мы изменяем и себя; пересмотренное прошлое, в свою очередь, изменяет нашу собственную идентичность», поэтому раз наследие не остается с течением времени неизменным, то исследователь может «плодотворно использовать прошлое лишь тогда, когда осознает, что наследовать – это и означает трансформировать»³¹.

Учитывая изменения с течением времени теоретико-методологических оснований историографического исследования, в том числе в угоду идеологии, автор диссертации поддерживает точку зрения уральского историографа В.Д. Камынина, считающего, что в современном историографическом исследовании теоретико-методологические основания должны четко увязываться с объектом и предметным полем проводимого исследования: «При изучении объекта исследования, под которым понимается совокупность историографических источников по конкретному сюжету или проблеме, учитывая, что историографическое исследование всегда носит междисциплинарный характер, исследователю вполне достаточно овладеть определенной совокупностью методов историографического исследования, а также междисциплинарных методов изучения источников. При изучении предметного поля исследователь должен заявить о той научной парадигме, с

---

²⁹ Эшворт Дж.Г. От истории к наследию – от наследия к идентичности: в поисках понятий и моделей // Неприкосновенный запас. № 4. 2017. С. 154–171.

³⁰ Schouten F.F.J. Heritage as historical reality // Heritage, tourism and society. London; New York, 1995. Pp. 21, 30.

³¹ Lowenthal D. The past is a foreign country. Cambridge, 1985. P. 411, 412.

позиций которой он понимает поставленную научную проблему. Только в этом случае он ставит себя наравне с теми исследователями проблемы, труды которых он изучает. Именно честное изложение своих теоретических подходов позволяет историографу добиваться научной объективности, но не как заявленного заранее принципа исследования, а как его желаемой цели, к которой следует стремиться»³².

При анализе историографических источников, посвященных наследию Л.А. Тихомирова, мы опирались на подходы интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты творческой и интеллектуальной деятельности через культуру, биографию и социокультурное окружение их носителей. Несмотря на то, что методология интеллектуальной истории пока находится в процессе становления, этот подход позволяет реконструировать историческую реальность через мысли и идеи, так как источник создается автором с опорой на собственный язык и набор методов, обусловленных «привычками и влиянием определенной культуры. Из потока информации автор вычленяет основную мысль, вокруг которой рисует картину. В результате чего происходит постановка сюжета и литературная обработка, что сводит источник к максимальной субъективности. Интеллектуальная история максимально старается выделить из субъективного источника, подлинные идеи и смыслы»³³. Также мы использовали теорию модернизации, объясняющую процесс перехода от традиционного общества к индустриальному. Несмотря на имеющиеся в современной российской науке противоречия в трактовке модернизационного подхода к истории, мы считаем, что он применим для объяснения процессов развития советской и зарубежной историографии наследия Л.А. Тихомирова. Его позднее творчество многими исследователями позиционируется как традиционалистское, которое в своей основе неизбежно должно было вступить в конфликт с советской исторической наукой, выросшей на базе исторического материализма.

В диссертации использованы следующие общие методы историографического исследования: сравнительно-исторический метод;

---

³² Камынин В.Д. Диссертация по историографии: из опыта методологического и теоретического обоснования исследований // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI века. Челябинск, 2011. С. 86.

³³ Федоров Р.И. Интеллектуальная история как направление в методологии исторических исследований // История. Экономика. Геополитика. 2016. №2. С. 50–52.

хронологический метод; проблемно-хронологический и конкретно-проблемный методы; метод периодизации; ретроспективный анализ. Кроме традиционных методов исследования, в нашей работе используются количественный метод исследования (контент-анализ), который стал популярным во второй половине XX – начале XXI вв. и доказал свою вспомогательную эффективность в исторической науке³⁴. При этом если изначально контент-анализ использовался только в классических исторических исследованиях, то в последние несколько десятилетий он все чаще используется и в историографических работах, в которых также отмечается его польза³⁵. До нашей работы метод контент-анализа при исследовании наследия Л.А. Тихомирова использовался всего несколько раз: О.А. Милевский проанализировал заголовки передовиц Л.А. Тихомирова в «Московских ведомостях»³⁶, а С.М. Рязанов исследовал с помощью контент-анализа произведения Л.А. Тихомирова, которые были посвящены рабочему вопросу³⁷.

В нашем исследовании мы опирались на следующие принципы: целостности; всесторонности; системности; ценностного подхода.

Источниковая база исследования. Вопрос о предмете историографии и ее источниках является дискуссионным. Представление об историографическом источнике как самостоятельном источнике, отличном от исторического, сформировалось относительно недавно.

Первым, кто попытался выделить историографию в отдельную дисциплину, был советский историк Н.Л. Рубинштейн. В своей монографии, опубликованной в 1941 г., он использовал понятие «историографический памятник» и указал, что уже в летописях прослеживается субъективная авторская интерпретация исторических событий, поэтому если «источниковедение интересуется достоверностью самого источника и воспроизводимых им фактов», то «историография выясняет осмысление

---

³⁴ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 132.

³⁵ Гарскова И.М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб., 2018. С. 26.

³⁶ Милевский О.А. «Московские ведомости» о социально-экономической политике правительства в 1909–1911 годах: анализ передовиц Л.А. Тихомирова // Российская Империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 370–376.

³⁷ Рязанов С.М. Рабочий вопрос в произведениях Л. А. Тихомирова (опыт контент-анализа) // Вестник Пермского университета. Серия: история и политология. № 2. 2009. С. 114–122; Он же. Рабочий вопрос в системе социально-экономических представлений российских консерваторов в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2009. С. 144–158.

автором исторических фактов и связи между ними»³⁸. Понятие «историографический источник» в отечественной науке впервые было использовано в статье М.В. Нечкиной 1965 г. Она указывала, что историографическим источником является любой результат интеллектуальной работы историка и в любой форме³⁹. В 1970-е гг. С.О. Шмидт, называя главными историографическими источниками труды историков и выдающиеся памятники общественно-исторической мысли, отметил наметившуюся в исторической науке тенденцию к расширению историографических источников за счет обращения «к многообразным неопубликованным (архивным) материалам традиционного типа»⁴⁰. В конце 1980-х гг. А.И. Зевелев назвал историографическими источниками «те исторические источники, которые определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, протекающих в исторической науке и в условиях ее функционирования»⁴¹.

Современный историограф В.П. Корзун при классификации историографических источников предложила выделять «опорную группу» источников, включающую тексты, несущие «историко-научный (рефлексивный или критический) элемент исторического знания вне зависимости ни от жанра, ни от мест их бытования», и вспомогательную группу, к которой относятся источники, способные воссоздать «атмосферу творчества, вехи жизни автора, его общественно-политические взгляды, ценностные ориентации, особенности его натуры»⁴². В совместной работе С.П. Бычков и В.П. Корзун указали на то, что традиционный исторический источник, «вовлеченный в процесс историографического анализа, приобретает новый статус – статус историографического источника»⁴³. В нашей работе мы также привлекали традиционные исторические источники, которые в контексте нашего исследования приобрели статус историографических источников, пусть и вспомогательных.

---

³⁸ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 19.

³⁹ Нечкина М.В. История истории // История и историки. Историография истории СССР. Сб. ст. М., 1965. С. 10.

⁴⁰ Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М.В. Нечкиной: сб. ст. М., 1976. С. 264.

⁴¹ Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. С. 120.

⁴² Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург–Омск, 2000. С. 22.

⁴³ Бычков С.П. Введение в историографию отечественной истории XX в.: учеб. пособие / С.П. Бычков, В.П. Корзун. Омск, 2001. С. 38–39.

В науке существуют два ключевых подхода к предмету историографии: это изучение исторической мысли в самом широком смысле слова, без учета профессиональной подготовки ее специалистов и институциональных особенностей (Б.Г. Могильницкий); это только история исторической науки (А.М. Сахаров). При этом, как справедливо отмечают историографы В.П. Корзун и В.Г. Рыженко, на данный момент общим для этих подходов является интерес к «самому процессу создания исторического знания» и «внимание к социокультурному фону»⁴⁴.

На специфику историографического исследования также влияет принадлежность историографа к той или иной научной школе. Как отмечает В.Д. Камынин, на сегодняшний день в «историографическом пространстве реально оппонируют друг другу два научных направления, представленные двумя научными школами, различающимися в понимании основных категорий: науковедческое (“сциентическое”) и “социокультурное”»⁴⁵. Науковедческое направление историографии характерно для уральской историографической школы, представители которой работают преимущественно в жанре проблемной историографии и используют концептуальный подход, а ко второму направлению историографии относится омская историографическая школа, последователи которой отдадут предпочтение интеллектуальной истории, антропологическому подходу и «коммуникативному полю» историографии⁴⁶. Между уральской и омской школами историографии существуют и другие принципиальные отличия: расхождение в понимании предмета, источников и их типологизации⁴⁷.

В нашем исследовании мы выбрали подход Б.Г. Могильницкого и поэтому сознательно расширили рамки историографических источников, раскрывающих наследие Л.А. Тихомирова. Во-первых, Л.А. Тихомиров не являлся профессиональным историком, а потому его творчество изначально не было

---

⁴⁴ Корзун В.П., Рыженко В.Г. Поиск нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве // Мир Клио: сб. ст. в честь Л.П. Репиной. М., 2007. Т. 2. С. 269.

⁴⁵ Камынин В.Д. Историографические исследования в эпоху постмодерна // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2015. Вып. 17, ч. 2: История и историк в ситуации интердисциплинарности. С. 72.

⁴⁶ Корзун В.П. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей. Челябинск, 2011. С. 290–302.

⁴⁷ Панькин И.Д. Научные школы в уральской историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 141–142.

частью исторической науки. Во-вторых, творчеством Л.А. Тихомирова часто интересовались не только профессиональные историки, но и ученые из других отраслей научного знания, а также публицисты и другие представители неэпистемологического литературного творчества.

В источниковую базу диссертации входят монографии по истории отечественного революционного движения⁴⁸, по политической и социально-политической истории Российской империи⁴⁹, истории развития политической и религиозной мысли⁵⁰, рабочему вопросу⁵¹, по истории дореволюционной прессы⁵²; политологические исследования⁵³ и биографические монографии⁵⁴.

Во вторую группу источников мы отнесли диссертации и авторефераты советских историков⁵⁵, и диссертации зарубежных исследователей⁵⁶.

Третья группа источников – это статьи в сборниках и журналах (журналов русской эмиграции⁵⁷, советских сборников⁵⁸, исторических⁵⁹ и литературных⁶⁰

---

⁴⁸ Балабанов М.С. Очерк истории революционного движения в России. Ч. 1. Л., 1929; Волк С.С. Народная воля. 1879–1882. М.–Л., 1966; Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. М., 1965; Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX веков. М.–Л., 1927; Троицкий Н.А. Большое общество пропаганды. 1871–1874. (т.н. «чайковцы»). Саратов, 1963; Ely С. Russian populism. London, 2022; и др.

⁴⁹ Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988; Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990; Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; Rogger H. Russia in the age of modernisation and revolution, 1881–1917. London–New York, 1983; и др.

⁵⁰ Laqueur W. Black hundred: the rise of the extreme right in Russia. New York, 1993; Thaden E.C. Conservative nationalism in nineteenth-century Russia. Seattle, 1964; Utechin S.V. Russian political thought: a concise history. New York–London, 1964; Zernov N. The Russian religious renaissance of the twentieth century. New York, 1963; Cronin G. The Enduring Enigma of Lev Tikhomirov. Ithaca, 2025 и др.

⁵¹ Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. Львов, 1964; Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.). М., 1972; Pospelovsky D. Russian Police Trade Unionism: Experiment or Provocation? London, 1971; Schneiderman J. Sergei Zubatov and Revolutionary Marxism: The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. Ithaca, London, 1976.

⁵² Есин Б.И. Русская дореволюционная газета. 1702–1917 гг. М., 1971; Он же. Русская газета и газетное дело в России. М., 1981; Senn A.E. The Russian Emigre press: from Herzen's Kolokol to Lenin's Iskra. Kaunas, 2008.

⁵³ Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX в.). М., 1991.

⁵⁴ Вольфсон С.Я. Плеханов. Минск, 1924; Итенберг Б.С. П.Л. Лавров в русском революционном движении. М., 1988; Левин Ш.М. Дмитрий Александрович Клеменц. Очерк революционной деятельности. М., 1929; Романовский Д. Антоний Храповицкий. Краков, 2013; Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М., 1973; Baron S.H. Plekhanov: the father of russian marxism. Stanford, 1963; и др.

⁵⁵ Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в конце XIX – начале XX ст.: автореф. ... док. ист. наук. Киев, 1966; Костылев В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма: (Из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX – начале XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1987; Пелевин Ю.А. А.Д. Михайлов в революционном движении 1870-х – 1880-х годов: дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; и др.

⁵⁶ Митић А. Руси конзервативизам: правно-политички аспект. Докторска дисертација. Универзитет у Нишу. Ниш, 2013; Duran J.A. Lev Alexandrovich Tikhomirov and the end of the age of populism in Russia. Ph.D. University of Illinois at Urbana-Champaign, 1957; Gamblin G.J. Russian populism and its relations with anarchism 1870–1881. Ph.D. The University of Birmingham, 1999; Hardesty V.D. Lev A. Tikhomirov and the autocratic principle: a study of his conservative thought. Ph.D. The Ohio State University, 1974; Tidmarsh K.R. A study of Russian reactionary writers in the second half of the nineteenth century. Ph.D. University of Oxford, 1956; и др.

⁵⁷ Алексеев Н.Н. Христианство и идея монархии // Путь. 1927. №6. С. 15–31; Бердяев Н.А. Царство Божие и царство Кесаря // Путь. Париж. 1925. № 1. С. 31–52; Вишняк М. Пятый год // Современные записки. 1930. № XLIV. Париж. С. 396–422; Кускова Е. Крен налево // Современные записки. Париж. 1930. № XLIV. С. 366–395; Маклаков В. Из

журналов, зарубежных журналов⁶¹, современных отечественных журналов⁶²). В отдельную категорию мы выделили сопроводительную информацию к публикациям наследия Л.А. Тихомирова⁶³, а также критические статьи, отзывы и заметки на них⁶⁴. Архив Л.А. Тихомирова печатался в журналах «Каторга и

прошлого // Современные записки. 1933. № LI. Париж. С. 228–250; Минор О. К 50-летию «Народной воли» // Воля России. Г. 8. 1930. Январь. №1. С. 53–60.

⁵⁸ Волк С.С. Письмо ИК «Народной воли» к заграничным товарищам // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст., посвящ. 75-летию С.Н. Валка. М.–Л., 1964. С. 178–185; Дейч Л. Основательно ли нападение? // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча). Сб. 3. М.–Л., 1925. С. 260–277; Итенберг Б.С. Некоторые вопросы изучения истории общественного движения пореформенной России // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М., 1962. С. 258–275; Козьмин Б.П. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России // Б.П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 638–727; Седов М.Г. Советская литература о теоретиках народничества // История и историки. М., 1965. С. 246–267; и др.

⁵⁹ Дейч Л. О сближении и разрыве с народолюбцами (к истории возникновения группы «Освобождение Труда» // Пролетарская революция. 1923. № 8 (20). С. 5–54; Костылев В.Н. Ренегатство Л.А. Тихомирова и русское общество в конце 80-х – начале 90-х годов XIX в. // Проблемы истории СССР. МГУ им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет. Выпуск 11. 1980. С. 151–169; Кузьмин Д. Газета «Народная Воля» и ее редакторы // Каторга и ссылка. Кн. 1 (86). 1932. С. 105–143; Малаховский В. Правда ли, что народолюбчество предвосхитило ленинизм? // Каторга и ссылка. 1930. №3 (64). С. 45–63; Покровский М.Н. По поводу юбилея Народной воли // Историк-марксист. 1930. Т. 15. С. 74–85; Прибылева-Корба А. Мнимое письмо Исполнительного Комитета «Народной Воли» // Былое. №6 (34). 1925. С.75–83; Седов М.Г. «Народная воля» перед судом истории. // Вопросы истории. 1965. №12. С. 54–62; Татаров И.Л. Право-оппортунистическая апология «Народной воли» // Историк-марксист. 1930. Т. 18–19. С. 185–200; Теодорович И. Историческое значение партии «Народной Воли» // Каторга и ссылка. 1929. № 8–9 (57–58). С. 7–53; Ткаченко П.С. О некоторых вопросах народничества // Вопросы истории. №5. Май, 1956. С. 34–46; Фигнер В. Л.Г. Дейч и «Народная воля» // Былое. 1924. № 25. С. 280–288; и др.

⁶⁰ Козьмин Б. «Народники» и «народничество» // Вопросы литературы. 1957, декабрь. №9. С. 116–135; Пономарев, А.Н. Первый штурм // Москва. 1980. № 12. С. 3–11.

⁶¹ Бодрожий Ђ. Нација и глобализација – идентитет и интерес // Политичка ревија. Година (XXIII) X. Vol. 28. Бр. 2. 2011. С. 17–40; Gleason A. The Emigration and Apostasy of Lev Tikhomirov // Slavic Review. Sep., 1967. Vol. 26, No. 3. Pp. 414–429; Hare R.A. Repentant Social Revolutionary // The Slavonic and East European Review. Dec., 1958. Vol. 37, No. 88. Pp. 242–246; Miller M.A. The Transformation of the Russian Revolutionary Emigre Press at the end of the Nineteenth Century // Russian History. 1989. Vol. 16, No. 2/4, Festschrift for Leopold H. Haimson. Pp. 197–207; Murvar V. Messianism in Russia: Religious and Revolutionary // Journal for the Scientific Study of Religion. Winter, 1971. Vol. 10, No. 4. Pp. 277–338; Naimark N.M. The Workers Section and the Challenge of the «Young»: Narodnaia Volia, 1881–1884 // The Russian Review. Jul., 1978. Vol. 37, No. 3. Pp. 273–297; Romanowski D. Od civitas dei do kościoła: metamorfozy rosyjskiej myśli konserwatywnej – od metropolity Antoniego (Chrapowickiego) do Lwa Tichomirowa // Politeja. 2012. No. 21. Pp. 33–48; Tidmarsh K. Lev Tikhomirov and a Crisis in Russian Radicalism // The Russian Review. Jan., 1961. №1, Vol. 20. Pp. 45–63; Walker F.A. P.L. Lavrov's Concept of the Party // The Western Political Quarterly. Jun., 1966. Vol. 19, No. 2. Pp. 235–250; и др.

⁶² Исаев И. Превращения монархической идеи // Родина. 1993. №1. С. 14–31; Костылев В.Н. Выбор Льва Тихомирова // Вопросы истории. 1992. №6–7. С. 30–46; Пайпс Р. Лев Тихомиров: революционер поневоле // Неприкосновенный запас. 2010. №4 [72]. С. 116–153.

⁶³ Бухбиндер Н.А. Из жизни Л. Тихомирова. По неизданным материалам // Каторга и ссылка. 1928, №12 (49). С. 59–70 Кантор Р.М. К истории революционного движения 1870–1880-х годов. (Неизданная записка Льва Тихомирова) // Каторга и ссылка. 1926. №3 (24). С. 110–122; Малахов-Камартин К. Лев Тихомиров и Плеве // Красная летопись. 1923. №7. С. 199–207; Из архива Л. Тихомирова // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 124–194; Из дневника Л. Тихомирова. С предисловием Вл. Максакова // Красный архив. 1933. Т. 6 (61). С. 82–128; Письма Льва Тихомирова к П.Л. Лаврову // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча). Сб. 1. М., 1923. С. 245–255; Тихомиров Л. Тени прошлого. Степан Халтурин. С примеч. М.Ф. Фроленко // Каторга и ссылка. 1926, №4 (25). С. 82–96; Фигнер В. По поводу записок Л. Тихомирова // Воспоминания Льва Тихомирова. М.–Л., 1927. С. XXII–XXXVI; и др.

⁶⁴ Батурин Н.Н. Лев Тихомиров, Плеханов и его друзья // Сочинения / Н.Н. Батурин. М.–Л., 1930. С. 445–447; Валк С. Воспоминания Льва Тихомирова // Пролетарская революция. 1927. №8–9. (67–68). С. 429–434; Горбунов М. Л. Тихомиров. Заговорщики и полиция // Каторга и Ссылка. 1928. №12 (49). С. 184–186; Мороховец Е. Воспоминания Льва Тихомирова // Историк-марксист. 1927. №6. С. 281–283; Н-ский Б. О воспоминаниях Льва Тихомирова //

ссылка» и «Красный архив», кроме того, выходили отдельные публикации его работ, которые почти всегда сопровождалась статьями профессиональных историков или любителей, которые давали оценку документам с точки зрения их достоверности, важности для науки и общества, включая и их идеологическую составляющую.

Важное место в нашем исследовании занимают источники личного происхождения. В контексте развития темы истории революционного движения ключевую роль сыграла публикация мемуаров ветеранов революционного движения. Особенностью этих работ было то, что их авторы описывали исторические события через призму своих собственных взглядов и отношения к трудам и биографии Л.А. Тихомирова, что часто затем переключивалось в работы профессиональных историков. Кроме того, важным источником является переписка старых народовольцев. Среди документов личного происхождения мы использовали не только опубликованные, но и неопубликованные документы, отложившиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (далее – РГАЛИ): Ф. 234: Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) – писатель, публицист, общественный деятель; Ф. 1185: Фигнер Вера Николаевна (1852–1942) – публицист, мемуаристка; Ф. 1642: Чарушин Николай Аполлонович (1851–1937) – публицист, издатель; Ф. 1744: Коллекция воспоминаний народовольцев.

Значительную роль в понимании основных тенденций в историографии наследия Л.А. Тихомирова играют и небольшие по объему работы, которые не относятся к разряду исторических исследований: брошюры, заметки и небольшие очерки⁶⁵. Такие малостраничные издания не имели цели глубокого изложения фактов, поэтому они относятся больше к публицистике. Важной чертой этих работ является то, что они часто содержат ярко выраженную идеологическую окраску.

Каторга и ссылка. Кн. 38. 1928. С. 174–180; Фроленко М.Ф. Попытка освобождения Войнаральского 1 июля 1878 г. (по поводу «Воспоминаний» Л. Тихомирова) // Каторга и ссылка. 1928. № 4. С. 82–89; и др.

⁶⁵ Билинский Л. Катехизис русского монархизма: мистика и эмпирика монархической идеологии. Париж, 1924; Жордания Н. Большевикизм. Берлин, 1922; Катехизис русского монархизма. Прага, 1925; Колобов М. Азбука Русского монархизма. [Пекин: Б. и., 1926]; Кусаков Н.П. Православие и монархия. б.м., б.г.; Маевский Вл.А. Революционер-монархист: памяти Льва Тихомирова. Новый сад, 1934; Серафим (Соболев), архиепископ. Русская идеология. СПб., 1992; Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? (1990) // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. Ярославль, 1995; Ярославский Ем. Разгром народничества. М., 1937; Јовановић Хаџи Ђакон Ненад М. Српски мислиоци о хришћанским основама монархије. Београд, 2020; и др.

Особую ценность для нашего исследования имеют неопубликованные материалы исторических дискуссий в народовольческом кружке при «Обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев», в ходе которых обсуждалось революционное наследие Л.А. Тихомирова. Эти документы находятся в РГАЛИ (Ф. 280: Леткова Екатерина Павловна (по мужу Султанова; 1856–1937) – писательница). Также в диссертации были использованы материалы заседаний «Общества историков-марксистов», предопределивших судьбу советской исторической науки на несколько десятилетий⁶⁶.

Существенную роль в раскрытии темы диссертации сыграли статьи в советских⁶⁷ и эмигрантских⁶⁸ газетах. В 1920-е – 1930-е гг. исторические дискуссии развернулись на страницах не только специализированных журналов, но и советских газет. Несмотря на краткость и идеологическую окраску в газетных статьях можно найти факты, которые дают представление об отношении к наследию Л.А. Тихомирова.

В качестве источника также была проанализирована учебная литература⁶⁹. Несмотря на то что учебники не являются научными трудами, они отражают современные достижения и состояние науки. Во-вторых, они в большинстве случаев пишутся в русле главенствующей в историографии методологии и идеологии.

Следующую группу источников составили справочные издания⁷⁰. Формат энциклопедии подразумевает стремление к объективности и лаконичность излагаемых фактов. Однако даже при условии отсутствия авторского субъективизма часто в энциклопедиях текст может содержать в себе идеологическую и методологическую окраску. Поэтому с помощью сравнения статей разных периодов можно вычлениить историографический субъективизм.

Для более полного раскрытия истории изучения наследия Л.А. Тихомирова мы включили в диссертацию анализ художественной

---

⁶⁶ Дискуссия о «Народной воле». М., 1930; Резолюции, принятые на общем собрании Общества историков-марксистов от 19.III. 30 года // Историк-марксист. 1930. № 15. С. 165–168.

⁶⁷ Правда. 1924, 1929–1930, 1936; Известия. 1929–1930; Вечерняя Москва. 1925, 1930; Советская Сибирь. 1925.

⁶⁸ Американские известия. 1924; Наша страна. 1949–1951, 1969.

⁶⁹ Антонов В.Ф. Революционное народничество: пособие для учителей. М., 1965; Вольфсон М.Б. Очерки обществоведения. М., 1922; История Всесоюзной коммунистической партии (большевииков). Краткий курс / Под ред. комис. ЦК ВКП(б). М., 1938; Ляшенко Л.М. Революционные народники: Кн. для учащихся ст. классов. М., 1989. Ткаченко П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876–1879 гг.). М., 1961.

⁷⁰ Большая советская энциклопедия. Т. 42. М., 1956; Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973; Большая советская энциклопедия. Т. 25. М., 1976; Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41: Ч. VIII. М., 1927.

литературы исторического жанра⁷¹, которая, во-первых, является зеркалом исторической науки, отражающим исторические события и процессы, интересующие историков, а во-вторых, на определенном этапе художественная литература не только не уступала по глубине понимания наследия Л.А. Тихомирова, но и даже опережала историческую науку.

Положения, выносимые на защиту:

1. В советской довоенной историографии наследие Л.А. Тихомирова рассматривалось однобоко в силу господствующей идеологии. Во-первых, интерес вызывала его революционная деятельность, так как эта тема была ключевой в стране, пережившей революцию и Гражданскую войну. Во-вторых, особую популярность имела тема ренегатства Л.А. Тихомирова, так как она была напрямую связана с историей отечественного революционного движения. Характерная для этого периода дискуссионность в осмыслении наследия Л.А. Тихомирова была связана с отсутствием до середины 1930-х гг. единого подхода к исследованию истории.

2. Огромную роль в осмыслении наследия Л.А. Тихомирова как в СССР, так и за рубежом сыграла предпринятая советскими архивистами попытка опубликовать материалы архива Л.А. Тихомирова. Во многом это было связано с общим процессом создания истории отечественного революционного движения, участником которого был Л.А. Тихомиров, а также с интересом к природе его ренегатства и в рамках политики обличения царского режима.

3. Объяснение причин ренегатства Л.А. Тихомирова во многом зависело от идеологических, личностно-психологических и методологических установок, которых придерживался тот или иной автор. Бывшие товарищи Л.А. Тихомирова по революционному народничеству были склонны объяснять ренегатство особенностями характера или психическим заболеванием; марксисты считали идейный переворот следствием утопичности теории и практики революционного народничества; белоэмигранты вслед за самим Л.А. Тихомировым считали этот поступок возвращением к первоистокам;

---

⁷¹ Булгаков С.Н. На пиру богов (Pro и contra): Современные диалоги // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 234–295; Давыдов Ю.В. Глухая пора листопада. М., 1968; Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч 3–4 // Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. М., 2010; Шкваркин В.В. В глухое царствование. (Предательство Дегаева): Драма в 4 актах, 6 картинах. М., 1926; и др.

зарубежные исследователи чаще всего рассматривали этот поступок с позиции многофакторности.

4. Несмотря на идеологические противоречия советской и зарубежной историографий в рамках осмысления наследия Л.А. Тихомирова существует ряд качественных и количественных признаков сходства. Советские и зарубежные историки одинаково уделяли первостепенное внимание проблеме ренегатства Л.А. Тихомирова, при этом обращая внимание на одинаковые аспекты в его биографии и творчестве (роль в революционном движении, монархические идеи, рабочий вопрос).

5. Наследие Л.А. Тихомирова в русском зарубежье имело ценность, прежде всего, с точки зрения формирующейся в белой эмиграции антибольшевистской идеологии и прославления православно-монархических устоев. Кроме того, после крушения коммунистической идеологии в нашей стране наследие Л.А. Тихомирова в этой роли было внедрено в общественно-политический и научный дискурс. Наследие русской эмиграции имело точки соприкосновения с западной историографией второй половины XX в. в срезе антикоммунистической идеологии.

6. Смягчение идеологического курса и снятие запрета на изучение революционного народничества в СССР в 1950-е гг. привело к новому этапу исследования наследия Л.А. Тихомирова. Возросший интерес советских историков к социально-политической истории дореволюционной России обусловил изучение не только революционного наследия Л.А. Тихомирова, но и его проправительственной деятельности и творчества этого периода. Апогеем этого этапа стала защита диссертации В.Н. Костылева в конце 1980-х гг., посвященная монархическим взглядам Л.А. Тихомирова.

Научная новизна исследования заключается в комплексном исследовании советской и зарубежной историографии наследия Л.А. Тихомирова. Кроме того, впервые удалось в компаративном срезе проследить схожие и отличающиеся тенденции зарубежного и отечественного опыта исследования наследия Л.А. Тихомирова. Был проанализирован огромный пласт отечественного и зарубежного историографического материала, часть из которого вводится в научный оборот впервые. Рассмотрены историографические особенности освещения темы ренегатства

Л.А. Тихомирова и природы его мировоззренческого переворота на основе новых подходов.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов для сравнительного анализа различных этапов развития отечественной и зарубежной историографии. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке учебных курсов в высшей школе и учебных пособий по историографии, общественно-политической истории России.

Степень достоверности и апробация диссертации. Результаты диссертации были рассмотрены и одобрены на кафедре отечественной истории и права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет». Также результаты диссертации отражены в 8 научных статьях общим объемом в 7,03 п.л., в том числе 4 из них – в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ. Материалы диссертации были апробированы в ходе выступлений с докладами на международной (2019 г., Челябинск) и региональной научных конференциях (2018 г., Челябинск). Автор диссертации использовал наработки исследования во время преподавания в ГБУ ДПО «Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования» (ныне – ГБУ ДПО «Челябинский институт развития образования»).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** представлена актуальность темы, показана степень научной изученности проблемы, сформулированы объект, предмет, цель и задачи исследования, определены хронологические и территориальные рамки, дана характеристика методологической основы и источниковой базы работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, раскрыта научная новизна, практическая значимость и структура диссертации.

В первой главе «Наследие Л.А. Тихомирова в работах эмигрантов и зарубежных историков» проанализированы работы русских и советских эмигрантов, а также зарубежная историография наследия Л.А. Тихомирова.

В первом параграфе «Место и значение творческого наследия Л.А. Тихомирова в публикациях русской и советской эмиграции» проанализированы работы представителей трех волн отечественной эмиграции. К наследию Л.А. Тихомирова русские и советские эмигранты обращались по трем причинам. Во-первых, в условиях недостатка книг Л.А. Тихомирова эмигранты вынуждены были заняться их переизданием, чтобы популяризировать монархическую теорию. В 1923 г. в Мюнхене и в 1968 г. в Буэнос-Айресе была переиздана «Монархическая государственность», а в 1943 г. в Нью-Йорке – «Единоличная власть как принцип государственного строения».

Во-вторых, в русском зарубежье поднималась проблема ренегатства. Однако если поступок Л.А. Тихомирова был одной из самых популярных и острых тем в среде революционной эмиграции конца XIX – начала XX вв., то в постреволюционной отечественной эмиграции ренегатство не имело такого значения, и его оценки изменились от резко отрицательных к положительным. В отличие от бывших товарищей Л.А. Тихомирова, рассуждавших о его ренегатстве в лично-психологической плоскости, белая эмиграция рассматривала перемену взглядов Л.А. Тихомирова как пример правильного возвращения к истокам. А.И. Куприн рассуждал о ренегатстве Л.А. Тихомирова как о сознательном покаянии, которое стало результатом осознания им царубийства как самого подлого поступка. Автор предисловия к мюнхенскому изданию «Монархической государственности» Г. Лукьянов считал, что в основе поступка Л.А. Тихомирова было «искреннее, глубокое и чистое народничество», которое привело его к «исповеданию идеи Царского Самодержавия». Философ и богослов Н.М. Зернов причислял Л.А. Тихомирова к представителям интеллигентов-диссидентов, особенностью биографии которых был переход на сторону традиционных христианских ценностей. Историк второй волны эмиграции С.В. Утехин объяснял ренегатство Л.А. Тихомирова неизменностью его политического идеала – сильной государственной власти и его стремлением к позитивным преобразованиям в России, что могло быть реализовано как с помощью революции, так и монархом, обладающим политической волей.

В-третьих, монархическая теория Л.А. Тихомирова стала основой для формирования антибольшевистской идеологии и использовалась

белоэмигрантами в пропагандистских целях. Идеолого-просветительские задачи были указаны в предисловии мюнхенского издания «Монархической государственности». Донские казаки-эмигранты, переиздавшие книгу «Единоличная власть как принцип государственного строения», также преследовали идеологическую цель. Они ожидали, что Вторая мировая война приведет к «перерождению» России и восстановлению дореволюционных порядков, для чего потребуется теоретическое обоснование русской национальной идеи, основой которого могли стать труды Л.А. Тихомирова. Антибольшевистский посыл был и у аргентинского издания «Монархической государственности».

Монархическая теория Л.А. Тихомирова оказала влияние на многих авторов первой волны эмиграции: Л.В. Билинский использовал классификацию видов монархической власти Л.А. Тихомирова; М.В. Колобов изложил «Монархическую государственность» в формате вопросов и ответов, а С.С. Ольденбург цитировал эту книгу в историческом труде об эпохе Николая II; обращался к «Монархической государственности» православный мыслитель архиепископ Серафим (в миру Соболев). В 1934 г. В.А. Маевский опубликовал первую биографию Л.А. Тихомирова, в которой отметил ценность «Монархической государственности» для идеологической работы и назвал ее теоретическим фундаментом формирующегося «русского фашизма».

После Второй мировой войны процесс изучения и идеологизации наследия Л.А. Тихомирова продолжился. И.А. Ильин назвал ошибочной идею Л.А. Тихомирова о нравственном идеале монарха. У представителей второй волны эмиграции творческое наследие Л.А. Тихомирова имело не меньшую популярность, чем у деятелей первой волны. Долгие годы изучал «Монархическую государственность» И.Л. Солоневич, под влиянием которой он написал книгу «Народная монархия». Он высоко оценивал идеи Л.А. Тихомирова, но не был согласен с его оценкой исторической роли Петра I. Ссылался на Л.А. Тихомирова при формализации монархического принципа власти православный публицист Н.П. Кусаков. Книги «Единоличная власть как принцип государственного строения» и «Монархическая государственность» назвал «лучшим изложением монархического принципа» С.В. Утехин.

Присутствуют отсылки к Л.А. Тихомирову в художественных и публицистических произведениях представителя третьей волны эмиграции

А.И. Солженицына. В его работе «Как нам обустроить Россию?» использованы идеи Л.А. Тихомирова о сочетанной системе власти и социальных основах совещательной системы.

Во *втором параграфе «Биография и труды Л.А. Тихомирова в зарубежной историографии»* проанализированы монографии, диссертации и статьи зарубежных историков. До середины XX в. наследие Л.А. Тихомирова не пользовалось большой популярностью у зарубежных историков. После окончания Второй мировой войны на Западе вырос интерес к российской и советской истории, на волне которого историки обратились к биографии и творчеству Л.А. Тихомирова. Зарубежные исследователи в своих трудах затрагивали следующие аспекты наследия Л.А. Тихомирова: 1) ренегатство Л.А. Тихомирова и его оценка; 2) роль Л.А. Тихомирова в революционном движении и ее оценка; 3) монархическая теория Л.А. Тихомирова и оценка ее места в русской истории; 4) роль Л.А. Тихомирова в решении рабочего вопроса и ее оценка; 5) религиозная философия Л.А. Тихомирова и оценка ее места в его творчестве; 6) литературно-издательская деятельность Л.А. Тихомирова и ее оценка.

Более всего в 1950-х – 1960-х гг. зарубежных историков интересовали революционный период жизни и творчества Л.А. Тихомирова и проблема его ренегатства. Одно из первых исследований, в котором освещена роль Л.А. Тихомирова в революционном движении, – это изданная в 1952 г. книга итальянского историка и журналиста Ф. Вентури «Корни революции. История народнических и социалистических движений в России XIX века». Чаще всего к истории российского революционного движения обращались американские специалисты. В биографических работах С.Х. Бэрона, посвященных Г.В. Плеханову, описаны примеры взаимодействия Л.А. Тихомирова с Г.В. Плехановым и другими деятелями революционного движения. В таком же контексте рассматривал деятельность Л.А. Тихомирова Ф.А. Уокер. Роль Л.А. Тихомирова в революционном движении описана в научно-популярной книге А. Ярмолинского «Дорога к революции: век русского радикализма». Изучил взгляды Л.А. Тихомирова на природу возникновения термина «народничество» Р. Пайпс. В 1957 г. Д.А. Дюран в Университете Иллинойса защитил первую в истории диссертацию о Л.А. Тихомирове, посвященную революционному периоду его биографии и ренегатству. Через 10 лет после

этого вышла статья Э. Глисона, специально посвященная биографии и мировоззренческому перевороту Л.А. Тихомирова.

Не меньший вклад в западное тихомироведение внесла английская историография. В конце 1950-х гг. опубликовал отдельную статью о Л.А. Тихомирове и его ренегатстве Р. Хэйр, а позже он без значительных изменений продублировал этот текст в монографии, посвященной российской общественной мысли второй половины XIX – начала XX вв. Практически в одно время с Р. Хэйром статью о ренегатстве Л.А. Тихомирова опубликовал К. Тидмарш, который вслед за В.А. Маевским назвал его взгляды фашистскими.

В 1960-е гг. зародился интерес к проправительственной деятельности Л.А. Тихомирова и его консервативной философии. Проанализировал взгляды Л.А. Тихомирова по вопросу русского национализма американский славист Э.К. Таден. Исследовал консервативные взгляды Л.А. Тихомирова американский историк Х. Роггер, причислив его к представителям панславистской разновидности русского консерватизма. В 1974 г. в Университете Огайо была защищена вторая по счету в мировой историографии диссертация, посвященная Л.А. Тихомирову. В этой работе Ф.Д. Хардести впервые подробно проанализировал «Монархическую государственность» и проправительственный период биографии Л.А. Тихомирова. В 1970-х гг. американские историки Д.В. Поспеловский и И. Шнейдерман отметили роль Л.А. Тихомирова в решении рабочего вопроса.

В последней четверти XX – начале XXI в. западные ученые заинтересовались ролью Л.А. Тихомирова в революционной печати. В этом контексте проанализирована деятельность Л.А. Тихомирова в работах американских историков М. Миллера и А.Э. Сенна, а также британской магистрантки Х.С. Уильямс. В этот период не угас и интерес к русскому революционному движению. Отмечена роль Л.А. Тихомирова в русском революционном движении в работах американского слависта Н. Нэймарка, швейцарского ученого А. Каппелера, английских историков Д. Оффорда и Г.Д. Гэмблина. Большой вклад в изучение последних лет жизни Л.А. Тихомирова внес японский историк Х. Вада. Он сформулировал концепцию о двух мировоззренческих переворотах Л.А. Тихомирова: от революционности к монархизму и от монархизма к принятию революции и власти большевиков. Р. Пайпс посвятил отдельную статью проблеме

мировоззренческого переворота Л.А. Тихомирова. В таком же контексте Л.А. Тихомиров упомянут в монографии о народничестве британского историка К. Эли.

В 1990-х гг. возник интерес к Л.А. Тихомирову в восточноевропейской историографии, представители которой обратились к религиозной тематике. Это характерно для трудов польского исследователя Д. Романовского, украинских публицистов Е. Гордейчика и Р. Лебедева, а также сербского православного писателя М. Йовановича. В 2008 г. в Белграде была издана «Монархическая государственность» на сербском языке.

Во второй главе «Осмысление наследия Л.А. Тихомирова в ранней советской историографии» представлен анализ публикаций творческого наследия Л.А. Тихомирова, эго-документов ветеранов отечественного революционного движения, работ советских исследователей и публичных исторических дискуссий.

В *первом параграфе «Публикация наследия Л.А. Тихомирова в 1920-е – 1930-е гг. и первые попытки его осмысления»* проанализирован процесс публикации в СССР наследия Л.А. Тихомирова и отклик на него в печати. В 1920-е – 1930-е гг. была проделана огромная работа по публикации архива Л.А. Тихомирова и отдельных его трудов. В 1924 г. в «Красном архиве» были опубликованы воспоминания Л.А. Тихомирова, посвященные последним годам деятельности «Земли и воли», статья «Смерть Александра II» и фрагмент из «Теней прошлого» об Исполнительном комитете «Народной воли». Автор предисловия В. Фриче скептически оценивал ценность описываемых Л.А. Тихомировым сведений. Резко высказалась об этой публикации А.П. Прибылева-Корба. Критиковал Л.А. Тихомирова за отдельные искажения историк М.А. Поташ. В 1926 г. в журнале «Каторга и ссылка» вышло две публикации по материалам архива Л.А. Тихомирова: очерк из «Теней прошлого», посвященный Степану Халтурину, и неизданная записка о революционном движении 1870-х – 1880-х гг. Если первая публикация несмотря на фактические ошибки, по мнению редакции, представляла ценность для истории, то вторая, по словам автора предисловия Р.М. Кантора, большой важности не имела. В 1927 г. в «Каторге и ссылке» было напечатано письмо Л.А. Тихомирова к С.С. Синегубу. В 1928 г. в «Красном архиве» были изданы воспоминания Л.А. Тихомирова об эмиграции, которые были посвящены его

переговорам с Н.Я. Николадзе и С.П. Дегаевым. В этом же году в «Каторге и ссылке» были опубликованы фрагменты писем к А.С. Суворину, которые, по мнению историка Н.А. Бухбиндера, представляли интерес для раскрытия личности Л.А. Тихомирова. В 1930-е гг. в «Красном архиве» печатались фрагменты дневника Л.А. Тихомирова, посвященные периоду русско-японской войны и Первой русской революции, «столыпинщины» и периоду первых лет после смерти П.А. Столыпина. Эти публикации сопровождались критическими предисловиями В.В. Максакова.

Отдельной брошюрой в 1925 г. вышли воспоминания Л.А. Тихомирова о Г.В. Плеханове. Автор предисловия и примечаний П.С. Попов отметил, что в данном очерке Л.А. Тихомиров исказил историю революционного процесса. Критическую рецензию на эту работу опубликовал Н.Н. Батулин. В 1927 г. была издана книга «Воспоминания Льва Тихомирова», куда вошли дневниковые записи 1889–1895 гг. и его воспоминания. Книга вызвала неоднозначную реакцию бывших революционеров. М.Ф. Фроленко и В. Невский в воспоминаниях Л.А. Тихомирова увидели искажение исторических событий. Б.И. Николаевский обвинил Л.А. Тихомирова в замалчивании фактов. Е. Мороховец, признавая субъективность жанра мемуаров, положительно оценил как сам факт публикации архива Л.А. Тихомирова, так и его содержание. С.Н. Валк позитивно оценил книгу, но высказал претензии к работе редакции. В 1928 г. была опубликована ранняя книга Л.А. Тихомирова «Заговорщики и полиция». Высоко оценил эту работу автор предисловия В. Невский, считавший, что написанная Л.А. Тихомировым еще в период активной революционной деятельности книга не была отягощена пагубными проявлениями его ренегатства. После выхода книги в периодической печати появились рецензии М. Горбунова и С.Н. Валка, которые содержали критику как в адрес автора, так и в адрес редакции. На неточности в описании Л.А. Тихомировым событий обратил внимание революционер Д. Руднев.

После начавшейся в середине 1930-х гг. идеологической кампании против народничества публикация архива Л.А. Тихомирова и его книг в СССР прекратилась.

Во втором параграфе «Образ Л.А. Тихомирова и его наследие в эго-документах революционеров-народников» представлен анализ материалов личного происхождения, авторами которых были бывшие товарищи

Л.А. Тихомирова по революционному движению. Многие деятели, которые участвовали в обсуждении идейного поворота Л.А. Тихомирова с конца 1880-х гг., продолжили это делать и при советской власти, поэтому уже сложившиеся точки зрения перекочевали в исторический дискурс. Современникам переход Л.А. Тихомирова из лагеря революционеров в лагерь апологетов православия и монархии казался экстраординарным, поэтому они не могли рационально объяснить этот феномен и искали причины в его психическом состоянии. Главным проводником версии о психическом заболевании была В.Н. Фигнер. Она впервые подробно изложила ее в своих воспоминаниях, а потом и в статье для книги «Воспоминания Льва Тихомирова». Она также написала статью о Л.А. Тихомирове для «Энциклопедического словаря Гранат», которая была более чем наполовину посвящена ренегатству и его причинам. Версию о психическом заболевании также поддерживали и другие представители революционного народничества (Н.М. Салова, Л.В. Фрейфельд и др.).

Сильно разнились взгляды В.Н. Фигнер и Н.А. Морозова, который, по ее словам, считал, что такой переворот взглядов Л.А. Тихомирова «всегда можно было ожидать». А.Н. Бах также утверждал, что Л.А. Тихомиров не был «настоящим революционером», хотя и указывал на другие факторы, повлиявшие на перемену взглядов Л.А. Тихомирова. Огромное внимание ренегатству Л.А. Тихомирова в своих воспоминаниях уделил народоволец Н.С. Русанов, считавший этот поступок следствием «физической трусости».

Иная позиция по вопросу о причинах ренегатства была у Г.В. Плеханова и его сторонников. По мнению Г.В. Плеханова, ключевой причиной ренегатства Л.А. Тихомирова был теоретический фундамент народников, также сыграли роль и особенности склада его характера. Так или иначе эту точку зрения транслировали в своих работах Л.Г. Дейч, О.В. Аптекман и др.

Однако несмотря на всю критику идейного переворота бывшие товарищи Л.А. Тихомирова по революционной борьбе (М.Ф. Фроленко, Л.Г. Дейч и др.) признавали его авторитет как революционного теоретика и литератора.

В *третьем параграфе «Основные проблемы осмысления в ранней советской исторической науке творчества и деятельности Л.А. Тихомирова»* проанализированы публикации советских историков и публичные дискуссии о его роли в революционном движении. Наследие Л.А. Тихомирова в ранней советской историографии рассматривалось в контексте трех тем: 1) ренегатство

и его оценка; 2) роль Л.А. Тихомирова в революционном движении и ее оценка; 3) взаимоотношения Г.В. Плеханова и Л.А. Тихомирова и оценка причин разрыва их отношений.

Представителям советской исторической науки 1920-х – 1930-х гг. Л.А. Тихомиров был интересен, прежде всего, с точки зрения его вклада в революционное движение, поэтому чаще всего наследие Л.А. Тихомирова освещалось в обобщающих работах о революционном движении (Г.Е. Зиновьев, В.И. Невский, М.С. Ольминский, М.Н. Покровский и др.).

Историки-большевики (В.И. Невский, В.Ф. Малаховский и др.) оценивали ренегатство Л.А. Тихомирова как закономерную эволюцию вправо в условиях разложения революционного народничества, которая была predetermined утопичностью теории и практики народников. В их представлении только большевистский путь к социализму был верным, поэтому народничество воспринималось как враждебная большевизму идеология. Несколько отличались от большевистского представления о природе ренегатства взгляды меньшевиков. Например, Б.И. Николаевский вслед за Г.В. Плехановым отрицал какое-либо эволюционное изменение взглядов Л.А. Тихомирова, считая ренегатство примером идейного регресса в сторону реакции. Кроме того, историки-меньшевики (Н.А. Рожков, В. Левицкий) были склонны считать, что идейный поворот Л.А. Тихомирова не был искренним, так как в его основе были корыстные мотивы. Но были и те, кто, наоборот, отождествлял революционные идеи Л.А. Тихомирова с большевистской теорией и практикой (Н.Н. Жордания).

В советской литературе поднималась проблема разрыва в отношениях Г.В. Плеханова и Л.А. Тихомирова в период их эмиграции. Причиной этого разрыва историки (М.С. Балабанов, Н.Н. Батулин) называли действия Л.А. Тихомирова и присущее ему честолюбие, а также утопичность и банкротство идеологии народовольчества (В.Ф. Малаховский; С.Я. Вольфсон). Кроме того, Н.Н. Батулин вслед за Г.В. Плехановым отмечал влияние на разрыв провокаций С.П. Дегаева. Разногласия Г.В. Плеханова и Л.А. Тихомирова оценивались как первый шаг Л.А. Тихомирова к ренегатству на фоне деградации революционного народничества и усиления позиций марксизма.

В начале 1930-х гг. вспыхнула дискуссия об оценке роли Л.А. Тихомирова в революционной журналистике. Инициирована она была выходом книги

бывшего эсера Д. Кузьмина «Народовольческая журналистика», в которой он поставил под сомнение сформированный народовольцами образ Л.А. Тихомирова как непререкаемого теоретика и литературного лидера «Народной воли». В защиту уже сложившегося в печати образа Л.А. Тихомирова выступили как его бывшие товарищи (В.Н. Фигнер, М.Ф. Фроленко), так и историки-большевики (П.И. Анатольев, И.А. Теодорович). Дискуссия также шла на заседаниях народовольческого кружка при «Обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев».

Прекращение исследования наследия Л.А. Тихомирова в середине 1930-х гг. напрямую связано с идеологическим запретом народничества в СССР. Переломным событием в осмыслении исторической роли «Народной воли» стал выход статьи И.А. Теодоровича «Историческое значение партии “Народной Воли”» к 50-летию юбилею организации, инициировавшей широкую дискуссию историков о месте и значении «Народной воли» в истории отечественного революционного движения. Эти дискуссии проходили как очно – на заседаниях Общества историков-марксистов в январе-феврале 1930 г. (активное участие в дискуссии принимали историки, партийные и государственные деятели: В.И. Невский, И.А. Теодорович, И.Л. Татаров, В.Ф. Малаховский, М.А. Поташ, Ем. Ярославский и др.), так и заочно – в советской периодике на страницах газет («Правда», «Известия» и «Вечерняя Москва») и исторических журналов («Историк-марксист»; «Каторга и ссылка»; «Большевик»; «Пролетарская революция»). Критики «неонароднической» концепции И.А. Теодоровича сформулировали две основные претензии к содержанию его статьи: 1) И.А. Теодорович вел происхождение ленинизма от народничества; 2) он сблизил крестьянский социализм с пролетарским, отождествляя борьбу мелкобуржуазного крестьянина за демократические права и свободы с процессом «перехода крестьянства на рельсы социализма под руководством пролетариата в стране строящегося социализма». На заседании «Общества историков-марксистов» 19 марта 1930 г. была принята резолюция, в которой провозглашалось положение, что каждого антимарксиста нужно рассматривать как «потенциального вредителя». В апреле того же года Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП (б) была организована кампания по борьбе против переоценки революционного народничества и его идеализации. В «Кратком курсе истории ВКП (б)», изданном в 1938 г., был сделан акцент на

враждебности народничества марксизму, из-за чего революционное наследие Л.А. Тихомирова также стало восприниматься негативно.

В третьей главе «Наследие Л.А. Тихомирова в советской историографии второй половины XX века» освещены основные тенденции развития советской историографии наследия Л.А. Тихомирова второй половины XX в.

В первом параграфе *«Наследие Л.А. Тихомирова в контексте советских исследований революционного народничества во второй половине XX века»* рассмотрена история изучения наследия Л.А. Тихомирова в исторической литературе об отечественном революционном движении. Вместе с возобновлением в период оттепели исследований истории народничества, советские историки снова обратили внимание на биографию и творчество Л.А. Тихомирова. В 1956 г. в очередном томе второго издания «Большой советской энциклопедии», в отличие от ее первого издания, была помещена биографическая статья о Л.А. Тихомирове. В начале 1960-х гг. стала издаваться учебная литература, посвященная истории революционного народничества, в которой раскрывалось и наследие Л.А. Тихомирова. Большую роль в возобновлении исследования наследия Л.А. Тихомирова сыграли Б.П. Козьмин и Ш.М. Левин, которые еще в 1920-х – 1930-х гг. были погружены в тему революционного народничества.

Огромный вклад в историографию революционного народничества внес М.Г. Седов, опубликовавший ряд ценных работ, затрагивающих наследие Л.А. Тихомирова. Он отмечал, что теоретические построения Л.А. Тихомирова не были самостоятельными, так как многие революционные идеи до него уже были изложены Н.К. Михайловским, и он никогда не играл в «Народной воле» первостепенной роли. М.Г. Седов организовал на историческом факультете МГУ спецсеминар, посвященный проблемам народничества, участники которого продолжили дело своего учителя (Ю.А. Пелевин и В.Н. Костылев).

Не меньшую роль в исследовании революционного наследия Л.А. Тихомирова сыграло молодое поколение историков. В контексте процесса «хождения в народ» упоминал Л.А. Тихомирова и ссылался на его работы Б.С. Итенберг. В 1966 г. вышла книга об истории «Народной воли» ленинградского историка С.С. Волка, в которой было уделено большое внимание деятельности Л.А. Тихомирова. С.С. Волк сохранил негативную

оценку произошедшего с Л.А. Тихомировым идейного переворота, который, по мнению исследователя, являлся закономерным шагом разочаровавшегося революционера из-за краха народолюбивого движения, а сам Л.А. Тихомиров, несмотря на главенствующую роль в литературном деле «Народной воли», не был самостоятельным и оригинальным теоретиком и публицистом. Также вклад в советскую послевоенную историографию революционного народничества и осмысление места в нем наследия Л.А. Тихомирова внесли В.А. Твардовская, В.А. Малинин, Л.М. Ляшенко, Н.А. Троицкий. Н.А. Троицкий стал также автором биографической статьи о Л.А. Тихомирове для «Советской исторической энциклопедии».

Отличается оценка ренегатства Л.А. Тихомирова, высказанная литературоведом Е.А. Таратутой. Она утверждала, что Л.А. Тихомиров стал безвольной «жертвой российского самодержавия, еще одной жертвой среди казненных, замученных в тюрьме и на каторге».

На волне нового интереса к народничеству издавались биографии известных революционеров-народников, в которых затрагивалась роль Л.А. Тихомирова. Популярность революционного народничества в исторической среде привела к усилению интереса к этой теме в художественной литературе. Советский писатель Ю.В. Давыдов активно работал с архивными материалами, поэтому его книги отличаются глубиной в создании образов исторических персонажей и документальной точностью в освещении исторических событий.

Во втором параграфе *«Трансформация исследовательского интереса к наследию Л.А. Тихомирова в 1960-х – 1980-х гг.: от осмысления роли в революционном движении к исследованию монархизма»* представлен анализ работ, в которых освещалась проправительственная деятельность Л.А. Тихомирова и его политическая философия. После смягчения идеологического курса советские исследователи в своих трудах не только стали затрагивать вопросы о роли Л.А. Тихомирова в революционном движении и проблему его ренегатства, но и начали анализировать его деятельность в проправительственном лагере. Если первоначально это были только фрагментарные вставки в общей канве повествования об истории дореволюционной России, то позднее историки взялись за комплексное изучение наследия Л.А. Тихомирова. Советские историки во второй половине

XX в. обращались к наследию Л.А. Тихомирова в контексте исследования нескольких тематических направлений: 1) ренегатство Л.А. Тихомирова и его оценка; 2) роль Л.А. Тихомирова в революционном народничестве и ее оценка; 3) роль Л.А. Тихомирова в решении рабочего вопроса и ее оценка; 4) место деятельности Л.А. Тихомирова в политической жизни позднего российского самодержавия и оценка этой деятельности; 5) монархическая теория Л.А. Тихомирова и ее оценка.

Историей рабочего вопроса в дореволюционной России занимался А.Ф. Вовчик, который считал, что деятельность Л.А. Тихомирова была направлена на отвлечение рабочих от революционной борьбы и воспитание в них покорности властям. С этих же позиций рассматривал роль Л.А. Тихомирова в решении рабочего вопроса В.Я. Лаверычев. В книгах А.Я. Авреха, в которых в совокупности освещалась политическая история Российской империи от окончания Первой российской революции до февральского переворота, проправительственная деятельность Л.А. Тихомирова, в том числе в решении рабочего вопроса, позиционировалась также реакционной.

С середины 1960-х гг. в советской исторической науке стала набирать популярность тема политической истории позднего российского самодержавия. В рамках исследований по этой теме была освещена и проправительственная политическая и идеологическая деятельность Л.А. Тихомирова; при этом опубликованные части архива Л.А. Тихомирова историками привлекались в качестве исторического источника о политической жизни Российской империи. В этом контексте к наследию Л.А. Тихомирова обратился ленинградский историк В.С. Дякин. Другой ленинградский историк Ю.Б. Соловьев затронул наследие Л.А. Тихомирова в русле политики российского самодержавия и взаимоотношения верховной власти и дворянства. Е.Д. Черменский использовал дневниковые записи Л.А. Тихомирова для иллюстрации отношения его как монархиста к событиям Первой мировой войны и для анализа его взаимоотношений с государственными деятелями.

Первую попытку целостного рассмотрения биографии и монархической теории Л.А. Тихомирова в СССР предпринял В.Н. Костылев. При этом, придерживаясь марксистско-ленинской методологии, В.Н. Костылев в своей диссертации указывал на то, что монархическая теория Л.А. Тихомирова

утопична и реакционна. Также монархические политико-правовые идеи проанализировал И.А. Исаев в книге «Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX в.)», изданной в 1991 г. Отметив в книге значимость идеократической концепции Л.А. Тихомирова, тем не менее названием своей книги И.А. Исаев дает читателю понять, что считает его политические идеи утопическими.

Отличительными особенностями нарождавшейся в перестроечный период современной российской историографии можно отметить постепенное сближение в подходах и оценках истории России конца XIX – начала XX вв. с подходами и оценками, высказанными в эмигрантском наследии, базирующемся в своей основе на антисоветском дискурсе, а также начавшуюся подготовку к переизданию трудов Л.А. Тихомирова.

В заключении изложены основные итоги исследования, сделаны выводы, намечены основные направления и перспективы дальнейшего исследования.

Советская и западная историографии наследия Л.А. Тихомирова различались методологическими подходами и идеологическим фундаментом, на базе которых анализировалось наследие Л.А. Тихомирова. Западные авторы, в отличие от советских историков, если и отмечали утопичность политических идей Л.А. Тихомирова, то не по причине их враждебности коммунизму, а с точки зрения их применимости в Российской империи. Исследования западных авторов свободны от предвзятого отношения к личности Л.А. Тихомирова, чего нельзя утверждать о работах, увидевших свет в СССР. В советской историографии наследие Л.А. Тихомирова воспринималось как враждебное по двум причинам: он был предателем дела революции и идейным защитником самодержавия и православия. Огромную роль в формировании субъективного восприятия наследия Л.А. Тихомирова сыграли его бывшие товарищи по революционному народничеству. В попытках разобраться с причинами его ренегатства они часто вплетали личные чувства и эмоции в канву исторического повествования, поэтому чаще всего дискуссия сводилась к двум противоположным версиям, закрепившимся благодаря статье В.Н. Фигнер «По поводу записок Л. Тихомирова»: «всегда можно было ожидать» или «заболел психически». Такой подход противоречил материалистическому пониманию истории, поэтому профессиональные советские историки видели в ренегатстве Л.А. Тихомирова пример объективного исторического процесса, связанного с

разложением революционного народничества. Западные исследователи ренегатства также старались абстрагироваться от версий соратников Л.А. Тихомирова и пытались найти вполне осязаемые, объективные причины ренегатства: влияние российской охранки, сложное материальное положение в эмиграции и т.д. Но излишняя теоретизация причин ренегатства, характерная для советской историографии, была чужда иностранным авторам, использующим в основном индуктивный метод анализа и описательный способ изложения исторических фактов.

Советская историография отличается неравномерным развитием и влиянием партийной цензуры на исторические исследования. В ранней советской историографии наследие Л.А. Тихомирова рассматривалось в контексте истории революционного движения, а остальные факты его биографии упоминались лишь для того, чтобы подчеркнуть враждебность взглядов бывшего члена «Народной воли» господствующей в СССР идеологии. С середины 1930-х и до середины 1950-х гг. действовал негласный запрет на исследования революционного народничества, а следовательно, и творчества Л.А. Тихомирова. Только в середине 1960-х гг. наметилась тенденция изучения социально-политических проблем дореволюционной России, в рамках которой в советской историографии была освещена и проправительственная деятельность Л.А. Тихомирова. С 1950-х гг. зарубежная историография развивалась эволюционно, то есть, с одной стороны, не было периодов, когда деятельность Л.А. Тихомирова и его труды целенаправленно оставались без внимания со стороны зарубежных исследователей, а с другой – не было и периодов, когда фигура Л.А. Тихомирова становилась предметом повышенного интереса.

Несмотря на видимые различия, в зарубежной и советской историографии прослеживаются и общие черты. Во-первых, общими являются основные причины, вследствие которых наследие Л.А. Тихомирова стало популярным объектом исследований как в СССР, так и за рубежом: с одной стороны, оно позволяло дополнить историю российского революционного движения, а с другой – представляло ценность для исследователей само по себе, так как помогало понять причины ренегатства Л.А. Тихомирова. Кроме того, формирование историографии наследия Л.А. Тихомирова как институционального научного процесса в СССР и за рубежом началось

примерно в одно и то же время – в 1950-е гг. Во-вторых, в советской и западной историографии второй половины XX в. прослеживается интерес к одним и тем же аспектам наследия Л.А. Тихомирова. Например, в центре внимания и советских, и западных историков были одни и те же темы: роль Л.А. Тихомирова в революционном движении и решении рабочего вопроса, проблема ренегатства и его монархическая теория. В-третьих, характерной чертой западной и советской историографии является серьезный перекосяк в сторону исследований революционного этапа биографии Л.А. Тихомирова и проблемы его ренегатства. В-четвертых, и в СССР, и на Западе были защищены специализированные диссертации, посвященные монархизму Л.А. Тихомирова (В.Н. Костылев и Х.Ф. Дуэйн). В-пятых, несмотря на расхожее мнение о скудности источниковой базы зарубежных историков, иностранные исследователи тоже работали в советских архивах (Х. Вада).

Зарубежная историография имеет схожие черты и точки пересечения с интеллектуальным наследием русской эмиграции. У иностранных авторов и эмигрантов были схожие цели, исходя из которых они обращались к наследию Л.А. Тихомирова. Во-первых, западные историки в своих исследованиях использовали работы русских эмигрантов в качестве источника информации. Во-вторых, переизданные эмигрантами книги Л.А. Тихомирова расширяли источниковую базу для иностранных ученых. В-третьих, некоторые тезисы из работ эмигрантов перекочевали в работы зарубежных авторов. В-четвертых, американские и английские историки в период холодной войны включились в антикоммунистическую идеологическую борьбу, цели которой совпадали с целями русской эмиграции. При этом работы зарубежных историков и авторов русского зарубежья отличались по характеру и формату. Эмигранты своими работами преследовали цель пропаганды антикоммунистических идей, поэтому они обычно выпускали издания небольшого объема. Содержание таких работ зачастую не было отягощено эпистемологическим нарративом. Было разным также и отношение к личности Л.А. Тихомирова: если для эмигрантов он являлся одним из ключевых идеологов самодержавной России, то для зарубежных исследователей – одним из деятелей русской истории, пусть и незаурядным.

В развитии историографии наследия Л.А. Тихомирова второй половины XX в. прослеживается прямая эволюция: от изучения революционного этапа

биографии Л.А. Тихомирова к исследованию его монархической теории. В эмигрантских кругах и вовсе была востребована только эта часть наследия. Интеллектуальное наследие отечественной эмиграции, советской и зарубежной историографии в целом оказало непосредственное влияние на становление тихомироведения в современной России.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы. **Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК:**

1. Ситдинов, В.В. Источниковедческие и методологические проблемы изучения дневниковых записей Льва Тихомирова / В.В. Ситдинов, П.Б. Уваров // Клио. – № 5 (149). – 2019. – С. 23–33 (1,27 п. л. / 0,8 п.л.).

2. Ситдинов, В.В. Общественно-политические и историко-философские взгляды Л.А. Тихомирова в зарубежной историографии / В.В. Ситдинов // Преподавание истории в школе. – 2020. – №6. – С. 48–55 (0,57 п. л.).

3. Ситдинов, В.В. Общественно-политические и историко-философские взгляды Л.А. Тихомирова в зарубежной историографии (окончание) / В.В. Ситдинов // Преподавание истории в школе. – 2020. – №7. – С. 42–48 (0,5 п. л.).

4. Ситдинов, В.В. Монархические формы власти в историческом процессе и их типология в историософии Л.А. Тихомирова / В.В. Ситдинов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 68–77 (1,16 п. л.).

Публикации в других изданиях:

5. Ситдинов, В.В. Кризис власти в восприятии традиционалиста (по материалам дневника Л.А. Тихомирова) / В.В. Ситдинов // XVII Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Челябинск: ЧГИК, 2019. – С. 63–72 (0,52 п. л.).

6. Ситдинов, В.В. Проблемы детерминизма генезиса государственности в историко-философской концепции Л.А. Тихомирова / В.В. Ситдинов // Проблемы культурного образования: сб. научн. и учеб.-методич. тр. – Челябинск: ЧИППКРО, 2019. – С. 140–153 (0,81 п. л.).

7. Ситдинов, В.В. Реформы Петра I в оценках Льва Тихомирова / В.В. Ситдинов // Инновационное развитие профессионального образования. – 2020. – № 4 (28). – С. 146–153 (0,92 п. л.).

8. Ситдинов, В.В. Публикация наследия Л.А. Тихомирова в 1920–1930 гг. и первые попытки его осмысления // Цивилизация определенности: сб. ст., посвящ. 30-летию научн. об-ния «Философия истории». – Челябинск, 2026. – С. 127–148 (1,28 п. л.).

НАСЛЕДИЕ Л.А. ТИХОМИРОВА
В ЗАРУБЕЖНОЙ И СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

Подписано в печать 08.06.2026.

Формат 60*84 1/16.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,27. Тираж: 100 экз. Заказ № 590

Отпечатано в ООО «Абрис-принт» 454008, г.
Челябинск, Комсомольский пр., д.2, к.207, Тел.:
(351) 729-9-729, info@t2k.ru